

тившихся в феодалов... Но даже если не все кмети уже стали феодалами, то путь один — к служилому люду, землевладельцу, феодалу типа позднейшего „комонства“, „всадников“, мельчайшего дворянства». ¹² Д. С. Лихачев со своей стороны отмечает: «Свое первоначальное значение в данном месте слово „кмети“ почти уже утратило. Здесь оно приобрело значение „лучших, отборных воинов“». ¹³

Известно, что это слово имелось и в других славянских языках южных и западных не только в прошлом, но есть и в настоящее время. Его этимология ясна — оно связано с греческим словом κομήτης. ¹⁴ П. Я. Черных считает, однако, что «кмети» одно из рано пришедших языковых заимствований в славянских языках. «Поэтому, — пишет он, — нас не смущает семасиологическая сторона сближения этого о. с. слова с латинским comes, род. comitis — „спутник“, „товарищ“ (может быть, и «боевой товарищ»»). ¹⁵ В самом раннем употреблении это слово, вероятно, означало «дружинник».

Для истории этого слова очень важное значение имеет его наличие в средневековых южнославянских памятниках. Еще в 1889 г. Е. В. Барсов писал: «И легче и кажется полезнее собирать данные об оттенках значения этого слова у разных славян в разное время». ¹⁶

И чем эти источники ближе по времени к «Слову о полку Игореве», тем ценнее они, ибо дают возможность сделать сопоставление их значений. (Здесь я приведу два таких примера, которые раскроют одно более старинное и, быть может, первоначальное значение слова «кмети». Примеры эти подкрепят мысль В. В. Мавродина о том, что «кмети» означало «феодалы», «благородные» «приближенные владетеля».

Первый пример — грамота-клятва от 1249 г., данная Матвеем Степаном, великим боснийским князем, дубровницкому князю Якову Далфину. В довольно длинном тексте слово «кмети» встречается четыре раза (однажды с «ѣ»: кѣмѣти). Вот это место: «И паче да наши кмети и наши людие и наши владальци да вась любе и да ви хране одь зла съ правовь веромь. И яко некто одь нашихь кмети или одь нашихь люди чине ви кривину, да се при предь мновь и я да имь суджу прави судь... И хоцемо да вьсе, що зде писано, буде тверьдо у веки одь нась самихь и одь нашихь деть и одь нашихь унучие, или нашихь кмети и одь нашихь люди. И кто сие приломи или ми сами, или наши синь или наши унучие, или наши кмети, или кто годе нашь, да го богь сепне». ¹⁷

В качестве второго примера возьмем надпись в церкви при монастыре Преображенья (Зързе) около Прилепа, относящуюся ко второй половине XIV в.: «Зане не бише яци тизи ктитори окрьмляти место сие, нь благословише и дадоше сию обитель башину свою не по нужди или по неволи, нь своимь хотениемь Константину кмету своему и неговемь детцамь». ¹⁸

В связи со словом «кмети» считаю необходимым привести заключительную фразу А. В. Горского и К. И. Невоструева, которой они завершают описа-

¹² «Слово о полку Игореве», стр. 392.

¹³ Там же.

¹⁴ Ст. Младенов. Български тълковен речник с оглед към народните говори, т. 1. София, 1951, стр. 1037; В. Караджич. Српски рјечник истумачен немачкијем и латинскијем ријечима, III издание. У Београду, 1898, стр. 287—288.

¹⁵ П. Я. Черных. Очерк русской исторической диалектологии. Древнерусский период. М., 1956, стр. 152.

¹⁶ Е. В. Барсов. «Слово о полку Игореве» как художественный памятник Киевской дружинной Руси, т. III, стр. 422.

¹⁷ Янко Шафарик. Грађа за стару историју србску. — Гласник, VI, 1854, стр. 179—180.

¹⁸ Там же, стр. 186. — Другие примеры см.: Starine, XVI, 1884, стр. 101, 106.